

Глава 4. Исламизм как идеология. Противопоставление Западу. Исламизм и западные ценности

4.1. Исламизм как идеология

Идеологические особенности исламизма. О некоторых идеях исламизма (в частности, его негативном отношении к западничеству) уже было упомянуто. Главное, что можно сказать: исламизм предполагает, что заветы ислама есть универсальное средство для решения всех (или почти всех) социальных проблем. «Ислам – вот решение» – это довольно популярный лозунг и сегодня. Ислам, его священные тексты, его законы – это и кодекс поведения человека в быту, его жизненный стержень, и программа переустройства общества, а также всей мусульманской общины (уммы). Мало того, у некоторых исламских радикалов это и вариант исламской глобализации, глобальный проект переустройства мира на началах учения пророка Мухаммада, план воплощения идеи провиденциальной избранности мусульман как спасителей человечества от разрушительных последствий секуляризма, национализма, глобализации (Левин 2014).

Таким образом, исламизм становится в ряд других эсхатологических, провиденциалистских и мессианистских идеологий (в смысле веры в конечную победу идей), как религиозных, так и светских (см., например: Pipes 2001–2002: 16)¹. При этом необходимо отметить, что как в глобальном социализме наряду с радикалами-сталинистами или маоистами представлены и вполне конструктивно настроенные социал-демократы, так и в глобальном исламизме его радикальное направление сосуществует с вполне конструктивно настроенными умеренными исламистами.

Исламизм как тоталитарная идеология всеобъемлющ. Подобного рода учения и идеологии обладают весьма мощным объединительным потенциалом и организующей силой. Исламизм может работать как на самом низовом, бытовом, так и на глобальном

¹ Исламское возрождение в чем-то схоже с марксизмом своими священными текстами, видением идеального общества, стремлением к фундаментальным изменениям, неприятием сильных мира сего и национального государства, а также разнообразием доктрин, начиная с умеренного реформизма и заканчивая неистовым революционным духом, отмечает С. Хантингтон (2003: 163).

уровне; быть основой как социальной, так и политической жизни. И, как всякая подобного рода идеология, активно вербует своих героев на этом пути².

Но, повторим, исламизм очень многолик, неоднороден, имеет много течений и толкований (в том числе и таких, которые никак нельзя назвать тоталитарными). Об этом у нас еще будет идти речь.

4.2. Исламизм и противостояние Западу

Исламизм – способ противопоставления Западу с его либерализмом и другими светскими идеологиями. Современный исламизм как идеология и как практическое движение возник, как уже было сказано выше, в ответ на колониальную экспансию Запада и поражение Османской империи. Запад в обоих случаях продемонстрировал свое огромное превосходство над исламским миром. Поэтому критика (даже отрицание), нередко проклятия в его адрес стали одним из столпов исламизма (особенно радикального) как идеологии. США и Израиль как «большой и малый сатана» в определении аятоллы Хомейни – весьма яркая иллюстрация этого отношения³. «Радикальный ислам, – пишет американский политолог Дэниел Пайпс, – предлагает современным людям альтернативную глобальную модель, отвергающую все ценности западной культуры, общества потребления и индивидуализма во имя создания закрытого порядка, основанного на исламе» (цит. по: Мирский 2009: 109).

Например, один из лидеров египетских «Братьев-мусульман», казненный в августе 1966 г. Сейид Кутб, чьи идеи все еще вдохновляют многих исламистов и чья работа «Вехи на пути» является настольной книгой исламистов всего мира, писал: «Все западные государства ориентируются на один источник, на материалистическую цивилизацию, не имеющую ни сердца, ни морали, ни совести. Это цивилизация, которая не слышит ничего, кроме звука машин, и не говорит ни о чем, кроме торговли... Как я ненавижу и презираю этих людей Запада! Всех их без исключения!» (цит. по: Calvert

² З. И. Левин, например, утверждает: «Ислам, претендующий быть вероисповеданием всего человечества, – это единственная мировая религия, представляющая всеобъемлющую идеологию тоталитарного типа, поскольку в ней нераздельны священное и мирское, религия и политика, и пророчества пророка Мухаммада провозглашаются конечными» (Левин 2014: 70).

³ СССР он назвал «меньшим сатаной».

2010: 121). Лидеры «Ал-Каиды» и ИГ всю свою деятельность строили на основе борьбы с Америкой и Западом.

Но даже если взять людей без таких крайностей, то среди мусульман нелюбовь к Западу весьма распространена, поскольку критика якобы бездуховной западной цивилизации во многом компенсирует ощущение обиды и неудовлетворенности, возникающее оттого, что мусульманские общества по сравнению с западными являются отсталыми, а большинство исламских обществ – бедными. Поэтому критика Запада – в целом беспроблемный вариант в социальной демагогии. Таким образом, исламизм можно рассматривать как форму самоидентификации исламского населения, форму его адаптации к лидерству Запада (они – бездуховные, «торгаши», мы – духовные; они – варвары с машинами и т. п.). Согласно С. Хантингтону (Huntington 1996: 111–112; Хантингтон 2003: 162), Исламское возрождение по своему размаху и глубине – последняя фаза в приспособлении исламской цивилизации к Западу, попытка найти решение не в западных идеологиях, а в исламе. Это стремление модернизироваться, не заимствуя западные ценности и институты, а, напротив, на основе возврата к якобы нетленным ценностям раннего ислама.

Исламизм, таким образом, занимает достаточно удобную и в чем-то незыблемую позицию, формируя образ врага, компенсируя неудовлетворенность реальной ситуацией, проводя в отдельных случаях антизападные кампании. Исламисты улучшают свой имидж в глазах масс, не беспокоясь о реальных причинах отсталости, напротив, консервируя их, не отвечая за последствия. Вместе с тем исламисты (в особенности умеренные/постисламисты) склонны принимать многие важнейшие западные ценности и институты, впрочем, как правило, не называя их прямо «западными» (см. об этом ниже).

Как мы уже говорили, исламизм стал неожиданным, побочным и явно нежеланным для Запада плодом его проникновения на Ближний Восток, его настойчивого стремления насадить там западные институты и идеи. Мало того, идеологи и лидеры современного исламизма нередко имели западное образование, путешествовали по западным странам, проходили стажировки, как вышеупомянутый Сейид Кутб, жили там, нередко довольно долго, изучали языки и культуру, словом, были знакомы с Западом не по книгам. Соответственно, влияние последнего на исламизм, пусть и

реализовавшееся в негативном для него отношении, здесь налицо. Глава исламского движения в Судане Хасан ат-Тураби получил ученые степени в Лондонском университете и Сорбонне, провел целое лето в Соединенных Штатах, объездил страну по финансируемой американскими налогоплательщиками программе для иностранных студенческих лидеров. Аббаси Мадани, лидер алжирского Исламского фронта спасения, получил докторскую степень в области образования в Лондонском университете. Его тунисский коллега Рашид аль-Ганнуши провел год во Франции, а в 1991–2011 гг. жил в Великобритании. Неджметтин Эрбакан, турецкий воинственно настроенный политик, учился в Германии. Муса Мухаммед Абу Марзук – глава политбюро ХАМАС – жил в США с 1980 г., получил докторскую степень в области промышленной инженерии в Луизианском университете и является постоянным резидентом США с 1990 г. И хотя годами ему удавалось уклоняться от правоохранительных органов, Абу Марзук был арестован в аэропорту Нью-Йорка при въезде в страну, когда собирался зарегистрировать сына в одной из американских школ. Однако опыт проживания в западных странах часто превращает нейтральных мусульман в исламистов (Pipes 1995).

Примечательно также, что один из лидеров движения «Братьев-мусульман», бывший президентом Египта в 2012–2013 гг., Мухаммед Мурси, получил докторскую степень по материаловедению в Университете Южной Калифорнии за диссертацию «Высокотемпературная электропроводность и дефектная структура донор-допированных Al_2O_3 », преподавал в течение трех лет в Университете штата Калифорния в Нортридже и сотрудничал с NASA в разработке двигателей космических летательных аппаратов.

Противостояние с Западом. Как мы уже писали, исламизм поднялся как вариант исламской модернизации. Но стоит отметить глубокую мысль С. Хантингтона, что, подобно другим проявлениям глобального религиозного возрождения, Исламское возрождение является одновременно и следствием модернизации, и попыткой схватиться с ней «врукопашную» (Huntington 1996: 111–112). В другом месте Хантингтон добавляет, что каковы бы ни были политические или религиозные убеждения мусульман, представители ислама согласны с тем, что между их культурой и западной существуют коренные различия. Выше мы уже рассказывали, что радикальный, террористический исламизм сделал Америку и Запад сво-

ими главными врагами, против которых все средства хороши. Не оправдывая террор, всячески осуждая его, нельзя не отметить: доля вины в том, что подобное отношение широко распространено, лежит на США и западных странах. В итоге продолжающиеся интервенции против исламских стран, попытки использования радикалов в собственных целях и прочее, что делает Запад, стало возвращаться к нему бумерангом (Мирский 2016: 43).

Но даже не принимая во внимание ненависть к Западу у радикалов, очевидно, что длительное историческое соперничество ислама и христианства должно было оставить определенный след в умах мусульман. Нужна какая-то психологическая компенсация в отношении превосходства и удачливости Запада, которая и выступает в виде идеи преобладания исламских идеологии и морали над западными. Современный сирийский философ Садык аль-Азм пишет о настроениях, которыми проникнута современная исламская литература: «Арабы, мусульмане вообще в глубине души считают себя вершителями истории, мировыми лидерами. Мы по-прежнему глубоко, до мозга костей чувствуем себя субъектом, а не объектом истории, активным началом, агентом, а не клиентом. Мы никогда не согласимся, а тем более не смиримся с маргинальностью нашего положения в современном мире. Для нас невыносима сама мысль, что мы – объект истории, что нами руководят, нами манипулируют, используют нас в своих целях те, кто некогда сам был объектом истории и чью судьбу решали мы. Добавим к этому наше убеждение в том, что наше мировое лидерство было узурпировано, отнято у нас современной Европой, и не менее глубокую уверенность, что в конечном счете история развенчает узурпатора, время которого проходит, и вернет прежним историческим лидерам их законное место, статус и функции» (al-Azm 2004: 123). Такими установками ислама во многом определяются также и отношения образованных мусульман с Западом⁴.

4.3. Исламизм и ценности

В данном параграфе мы только бегло коснемся этого очень объемного вопроса, более подробно эта тема будет освещена в третьей части книги. Исламизм со стороны может казаться чем-то ужасным, для западного человека невыносимым (и здесь есть значи-

⁴ Подробнее об исторических корнях антизападных настроений в исламском мире см.: Васильев 2017.

тельная доля правды). В то же время умеренный исламизм, несомненно, имеет и свои положительные стороны, в том числе в плане морали. В частности, он подчеркивает ценности коллективизма (приоритета уммы) и призывает к братству между мусульманами (правда, обычно только в рамках определенной ветви ислама). Также считается, и не без основания, что он приветствует приоритет духовного над материальным и ограничивает жажду наживы, требует оказывать помощь бедным и друг другу. Ислам делает всех мусульман в принципе равными перед Аллахом и, следовательно, по его закону. В этом плане ислам и особенно исламизм демократичны, дают возможность человеку выдвинуться по своим делам и заслугам в рамках исламистского движения независимо от его стартового уровня (о чем мы будем говорить в Гл. 5). Исламизм в целом моральное движение, так как опирается на каноны ислама, во многом проверенные жизнью, охраняет семейные ценности и справедливость (как они понимаются исламом и в тех трактовках, которые имеют место), исламисты запрещают блуд и пьянство, порой даже курение.

В то же время исламизм не отвергает и не презирает такие общечеловеческие ценности, как образование, стремление к богатству, улучшению жизни. Напротив, в современных условиях грамотность и способность тем самым самостоятельно постигать и толковать Коран и другие священные тексты есть достоинство и даже во многом необходимость. Среди исламистов много не просто грамотных, но хорошо образованных людей (см., например: Yapp 2004: 181).

Таким образом, исламизм представляет целую систему моральных и духовных ценностей, в ряде отношений вполне современных, которых может быть достаточно для нормальной жизни огромного числа людей и целых обществ.

В чем же проблема исламизма в отношении современных ценностей? На наш взгляд, она может быть выражена в двух аспектах. Первый: исламисты, особенно радикальные, образно говоря, смотрят не вперед, а назад. И здесь беда в зашоренности идеологов радикального исламизма, неспособных понять, что на старом невозможно далеко продвинуться (см. также: Osman 2016: 249, 251). Второй аспект: исламисты не готовы принять ряд современных ценностей, в основном западного происхождения, которые доказали свою важность и прогрессивность в большом количестве об-

ществ, при этом данные ценности нередко отрицаются не потому, что кажутся дурными сами по себе, а потому, что они не вписываются в догматы исламистов (то есть они дурные потому, что противоречат Корану или шариату). В этих же рамках находится и то, что исламисты стремятся навязать остальным членам общества свои взгляды, обосновывая их тем, что они якобы имеют высшую силу, санкционированную Богом. В частности, исламисты в той или иной степени стремятся ограничить важнейшую ценность для западного человека – личную свободу, в том числе в привычках, одежде, образе жизни и многом другом. Эта свобода ущемляется (в случае умеренного исламизма) или преследуется, наказывается (в случае исламизма радикального).

Большинство самых крупных исламистских групп как будто даже признали плюрализм. Но в обществах, где в основном живут мусульмане, это не означает признания свободы от исламских традиций и законов. И признание плюрализма всегда было условным и ограниченным (Osman 2016: 240). «Далекая от плюралистического идеала демократии, исламистская версия порождает то, что Джон Стюарт Милль называет “тиранией большинства”», – пишет по такому поводу Бассам Тибби (Tibi 2012: 133). Однако справедливости ради отметим, что тирания большинства, в том числе в отношении морали, на протяжении веков господствовала и на Западе, сочетаясь с демократией, и только в последние 50–70 лет личная свобода свергла эти моральные ограничения (добавим, правда, далеко не всегда к пользе общества и к росту общей морали). Поэтому ситуация в исламских странах вполне понятная, нужно время для роста личной свободы, и время немалое.

Здесь важно видеть, что, во-первых, как и в других вопросах, расхождения между салафитами и строгими исламистами, с одной стороны, и умеренными – с другой, велики. Во-вторых, подвижки в этом направлении все же есть, и они продолжатся, хотя, возможно, не быстро и не прямолинейно. Кроме того, слишком большая индивидуальная свобода не всегда реально сочетается с общественными ценностями и правами других людей. Поэтому разумно расширять эту личную свободу постепенно. Исламские общества в большинстве своем все же идут по этому пути, но особым образом, как мы увидим, например, в отношении феминизма, который во многих мусульманских странах имеет тенденцию развиваться в своей, исламской, а не светской форме.

Положение женщин в исламском обществе – это одна из главных проблем взаимоотношений между Западом и исламом, одна из главных ценностей, вокруг которой постоянно кипят страсти. И реальных проблем здесь множество. Тем не менее, если не брать во внимание внешние признаки (хиджаб, одежду и т. п.), в главных отношениях права женщин признаются, в том числе в плане избирательных прав, образования, работы и много другого (хотя и здесь есть немало проблем, но движение идет в правильном направлении; см. Гл. 8).

Важным аспектом проблемы ценностей является понятие прав человека и соотношение их с доктринами исламизма. Действительно, верно, что в традиционном исламе нет доктрины прав человека, лишь Бог имеет права, у людей же – только долг. Сейид Кутб, идеолог «Братьев-мусульман», задавал риторический вопрос: «Кто знает лучше, ты или Бог?» (Qutb 1990: 69). Преданность верующих, их безоговорочная готовность следовать за своими лидерами являются силой исламизма, чем и пользуются радикалы (Мирский 2016: 26).

Рост влияния исламизма также привел к большой проблеме, связанной с ухудшением положения меньшинств других конфессий, например в Египте. И все же многое меняется даже в исламизме, который вынужден подстраиваться под современные реалии⁵. При этом важно иметь в виду, что хотя непримиримый исламизм порой выступает совершенно открыто, игнорируя любые иные мнения, но в то же время, обретая какую-то респектабельность, он вынужден, как и другие тоталитарные идеологии, менять маски. В чем-то здесь просматривается лицемерие, но в чем-то это ведет к трансформациям и смещению акцентов в правильном направлении. В частности, немало умеренных исламистов рассматривают проблему прав человека по-иному, нежели радикалы и салафиты. Тем более что и современный исламский истеблишмент уже давно не разделяет мнение Кутба. Здесь достаточно упомянуть о таком принятом в Каире в 1990 г. государствами – членами Организации исламского сотрудничества⁶ документе, как Декларация о правах че-

⁵ Мусульмане придерживаются следующего утверждения: ислам требует, чтобы в мусульманской стране политические права немусульман были меньше, чем у мусульман. Впрочем, политически умеренные мусульмане демонстрируют сравнительно гораздо более высокую степень религиозной толерантности по отношению к немусульманам, чем политические радикалы (Achilov, Sen 2017: 620).

⁶ До 2011 г. она называлась организацией «Исламская конференция».

ловека в исламе (Organization... 1990; см. также: Brems 2001: 241–284), а также об Арабской хартии прав человека, принятой Лигой арабских государств 22 мая 2004 г. (League... 2004).

Здесь также важно иметь в виду, что доведенные до максимальной степени индивидуальные права человека начинают реально входить в противоречие с общественными ценностями и правами других людей. В США, например, это ярко проявляется в случае права на ношение оружия. Таким образом, правильное, если расширение объема прав человека будет идти постепенно, с тем чтобы общества лучше их интегрировали.

Еще один крайне болезненный вопрос – о соотношении исламизма и демократии, и по нему у исламистов нет единства. Радикалы в целом отрицательно относятся к демократии, как и вообще к участию в легальной политической жизни. Так, исламист Мухаммед, алжирец, на вопрос: «Ислам и демократия – совместимы?» ответил: «Нет. В исламе не большинство является легитимным. То, что говорит большинство, не обязательно хорошо... В исламе доверяют людям, обладающим мудростью, глубоким знанием религии, не интересующимся мирскими благами... В исламе существует другая форма единодушия – согласие между улемами» (Khosrokhavar 2006: 107–108).

Но это лишь одна из ряда версий исламизма. А в принципе умеренный исламизм не противоречит демократии и уважению определенных прав человека, но, конечно, в исламском варианте. По мере интеграции исламистов в политический ландшафт повышается значимость демократии как ценности. Многое, конечно, зависит от политического момента. Так, пресс-секретарь египетского движения «Братья-мусульмане» в июле 2013 г. заявил: «У нас есть своя собственная вера в демократию, и мы готовы за демократию умереть» (Chumley 2013). Но сегодня «Братья-мусульмане» находятся в подполье, поэтому у многих настроение и отношение к демократии явно изменились.

И это свидетельствует о том, что только стремление к союзу с умеренным исламизмом против радикального может укрепить доверие к демократии и повысить восприятие ее как ценности. В ряде стран исламского мира демократия выступает как большая ценность даже в глазах исламистских партий, которые видят в этом возможность своего успеха. В 1952 г. Арнольд Тойнби писал в очерке «Ислам и Запад»: «Во время всеобщих выборов 1950 г.

Турция согласованно, без насилия и крови, перешла от монополии одной партии к двухпартийной системе. Так что победа западного конституционного духа во время выборов 1950 г. в Турции – это заметная веха, которая, вполне вероятно, может обозначать поворот политического течения во всем мире» (Тойнби 1995: 157). Сейчас мы можем сказать, что это действительно был хотя и не поворотный, но важный момент. И сегодня мы наблюдаем, что мирное соперничество разных партий на политическом поле и во время выборов вполне характерно для многих исламских стран. Это действительно в целом победа западного конституционного духа. Но не стоит требовать, чтобы этот дух конституционализма копировался целиком, не только сейчас, но может быть, и в принципе, поскольку неясно, возможно ли это на все сто процентов и должно ли быть так. Пока важно, чтобы этот конституционный дух прочно реализовывался хотя бы через исламскую демократию. Потому что крайне опасно требовать демократии в чистом виде и сразу по высшим западным стандартам. Поэтому мы не согласны с такими рассуждениями, как, например, в книге Бассама Тибби «Исламизм и ислам» (Tibi 2012: 133): «Есть ли демократия в конце этого тоннеля? Большинство исламистских движений объявляют о разрыве с джихадизмом в пользу демократического шариатского государства. Но их понимание термина “демократия” в лучшем случае поверхностное». Мы считаем, что любая форма даже ограниченной и неполной демократии в исламских странах гораздо лучше, чем радикализм. Неправомерно также приравнивать демократию к свободе мысли, как пытается сделать Фатима Мернисси в своей книге «Ислам и демократия: Страх современного мира» (Mernissi 2002). В этой связи М. Япп отмечает: «Интересно, какое значение сама Мернисси придает свободе: она приравнивает демократию к свободе мысли, но демократическое большинство может и часто ограничивает свободу и может полностью уничтожить меньшинство» (Yapp 2004: 167). В тех же США в XVIII в. демократия вполне уживалась с диктатом со стороны фундаменталистского большинства протестантов разного толка внутри общин. Никакого свободомыслия там не допускалось. Исламские страны, где есть исламская демократия, сейчас находятся на таком же уровне развития (см. ниже).

Необходимо отметить, что бурный рост популярности демократических идей среди многих исламистов связан с тем, что исламистские представления пользуются широкой поддержкой населе-

ния в значительном числе мусульманских стран, а значит, исламисты имеют там самые реальные шансы прийти к власти демократическим путем. Действительно, проведение свободных выборов там вполне закономерно заканчивается победой исламистов, что не может не вызывать у многих из последних симпатии к этой форме политической организации государства.

И здесь мы сталкиваемся с другим важным моментом – при демократии власть у тех, за кем большинство. Разумеется, это большинство далеко не всегда разумно использует власть. Энтони Шадид приводит следующий комментарий от двадцатилетнего исламиста из Каира Мохаммеда Нади: «Является ли демократия голосом большинства? Мы, исламисты, являемся большинством. Тогда почему они хотят навязать нам взгляды меньшинства – либералов и сторонников светского развития?» (цит. по: Tibi 2012: 133). «Практически все сторонники светского развития пришли к неутешительному выводу, что... исламисты будут и дальше побеждать на выборах» (Osman 2016: 99). Действительно, меньшинства, в том числе религиозные, могут быть в чем-то ущемлены при исламистской демократии, ведь демократическое большинство может ограничить свободы и уничтожить меньшинство (Mernissi 2002). Это является проблемой. Но следует ясно понимать, что если общество еще не полностью готово к демократии, значит, не следует ее внедрять. Однако с развитием определенных институтов общество может приблизиться к ней. В частности, этому способствует развитие так называемого гражданского общества. Некоторые исследователи полагают, что наиболее успешным процесс расширения политического участия населения (и, соответственно, демократии) оказался в тех странах, где и государственные институты, и институты гражданского общества были одинаково хорошо развиты – прежде всего в Тунисе и Марокко (Кузнецов, Салем 2016: 81).

Тем не менее в целом исламский мир развивается в нужном направлении, но очень трудно и медленно, хотя в рамках этого мира имеются серьезные исключения. Кроме того, по мере развития мира, технологий и прочего, конечно, происходит некоторое сближение в понимании ценностей. В частности, развитие информационных технологий привело к принятию информации и возможности ее получения в качестве ценности как на Западе, так и на Востоке. Но в целом различия в понимании ценностей еще очень велики, и в ближайшее время они не сгладятся (если сгладятся когда-либо).